

Наука — служанка политики? или О чём не написал Макс Вебер

В силу образовавшегося после крушения марксистско-ленинских догм идеологического вакуума насущной потребностью общественного сознания современной России стал поиск новых точек опоры, тех знаковых фигур, которые бы освятили своим авторитетом адаптацию постсоветского человека к реалиям конца XX — начала XXI в. Одной из таких знаковых фигур является Макс Вебер, уже давно, приблизительно полвека, занимающий в интеллектуальном пантеоне Запада самое почётное место. Понятно, что для российского читателя особое значение приобрели работы М. Вебера, специально посвящённые России — «О положении буржуазной демократии в России», «Переход России к псевдоконституционализму», «Переход России к псевдемократии», «Русская революция и мир», а также его речи. Пробуждению читательского внимания к «русским» работам М. Вебера способствовал А. Донде (А.С. Кустарев), который на протяжении многих лет пропагандировал первые два трактата, а затем опубликовал их собственный перевод в «Русском историческом журнале» (Москва) за 1998–2000 гг., чем, естественно, не снял с повестки дня вопрос об отдельном издании нового, научного перевода данных трактатов. Несколько статей посвятили им и другие отечественные специалисты по веберовской социологии.¹ Хотя все трактаты М. Вебера о России, написанные в конце 1905 — начале 1906 г. и в 1917 г., были итогом его размышлений о Первой и Второй русской революциях, они важны не только для историков, но и для представителей других отраслей гуманитарного знания, поскольку в них получили концептуализацию некоторые теории, ныне пользующиеся популярностью у правоведов и социологов. Это касается, прежде всего, теории о «Scheinkonstitutionalismus» — мнимом конституционализме — на основе которой, к примеру, А.Н. Медушевский выстроил свою концепцию истории конституционализма в России.²

События революции 1905–1907 гг. М. Вебер воспринял настолько заинтересованно, что специально для чтения первоисточников (прежде

¹ *Davydov J.N. Chancen der Freiheit in Russland. Max Webers Sicht der russischen Revolution von 1905. // Davydov Jurij N., Gaidenko Piama P. Russland und der Westen. Frankfurt, 1995. См. также: Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. Проблема бюрократии у Макса Вебера // Вопросы философии. 1991. № 3 и т.д.*

² *Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.*

всего, газет и журналов) буквально за несколько недель выучил русский язык. Интерес М. Вебера к революционной России предопределялся как масштабами происходившего в ней, так и его личными связями: к числу близких друзей М. Вебера принадлежал выдающийся отечественный правовед Б.А. Кистяковский, учившийся и живший в Германии. Б.А. Кистяковский, в качестве члена леволиберального «Союза освобождения», оказался для немецкого коллеги, никогда не бывавшего в России, источником не только информации о событиях 1905–1906 гг., но и их интерпретации. По справедливому замечанию исследователя творчества М. Вебера, «первичные ориентации в российской внутривосточной ситуации, определившиеся у него ещё до того, как он “погрузился в материал” — русские газеты и журналы первых месяцев революции, Вебер выработал в процессе личного общения с Кистяковским».³ Как специалист по России, Б.А. Кистяковский во многом определял и круг чтения М. Вебера, который использовал, в частности, при изучении состояния национального вопроса в Российской империи, изданные Б.А. Кистяковским работы украинского публициста М.П. Драгоманова. Через Б.А. Кистяковского М. Вебер познакомился с группой радикально настроенных студентов из России. Среди них были С.И. Гессен, С.И. Живаго, Ф.А. Степун и другие, внесшие свою лепту в постижение М. Вебером русской революции. Таким образом, несомненно, что в данном случае немецкий мыслитель испытал на себе влияние представителей русского оппозиционного движения, главным образом «Союза освобождения» и его преемницы — Конституционно-демократической (Кадетской) партии, возникшей в октябре 1905 г. Характерно также, что впоследствии М. Вебер переписывался с С.Н. Булгаковым и А.А. Кауфманом, находившимися одно время в орбите кадетизма. Впрочем, не стоит и преувеличивать степень влияния на взгляды М. Вебера его русских друзей: ведь круг знакомств М. Вебера обуславливался столько же его интересом к России, сколько и идеологическими предпочтениями — в своих русских друзьях он видел не только специалистов по России, но и собственных единомышленников.

Как и кадеты, М. Вебер являлся поклонником идеологии «нового либерализма» — он выкристаллизовался на рубеже XIX–XX вв. и стал попыткой синтеза идей классического либерализма (прежде всего, о правовом государстве) и научного социализма. Даже после известной ревизии своих воззрений Б.А. Кистяковский писал в 1909 г., что «правовой строй нельзя противопоставлять социалистическому строю. Напротив,

³ *Давыдов Ю.Н.* Вебер и Кистяковский. Опыт микроанализа // *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 713.

более углублённое понимание обоих приводит к выводу, что они тесно друг с другом связаны, и социалистический строй с юридической точки зрения есть только более последовательно проведённый правовой строй». Между тем, сам М. Вебер также симпатизировал социалистам, отмечая в 1918 г., что «по своим взглядам он до неразличимости близок к многочисленным обладающим экономическими знаниями приверженцам социал-демократии». ⁴ Своего рода катехизисом «нового либерализма», применительно к России начала XX в., был проект конституции, разработанный членами «Союза освобождения», ⁵ который формально оказался отправной точкой для веберовской рефлексии по поводу русской революции.

Б.А. Кистяковский обратил внимание М. Вебера на проект конституции, а он попросил С.И. Живаго написать на вышедшее в августе 1905 г. французское издание проекта рецензию для «Архив фюр социаль-виссеншафт унд социальполитик». Причем рецензию, в целях придания ей большего веса, М. Вебер решил сопроводить своими «дополнительными замечаниями», разросшимися до трактата «О положении буржуазной демократии в России». Вскоре после публикации этого трактата в 1906 г. в Киеве по инициативе Б.А. Кистяковского вышел в свет его перевод под заглавием «Исторический очерк освободительного движения в России и положение буржуазной демократии». Другой трактат, «Переход России к псевдоконституционализму», посвящённый исследованию политического процесса в России от Манифеста 17 октября 1905 г. до роспуска I Думы, был опубликован в августе 1906 г.

Сквозь призму «нового либерализма» М. Вебер анализировал и русскую революцию, и германскую действительность, из-за чего для его трактатов характерна неизбежная, в подобных ситуациях, политизированность. Именно поэтому их необходимо рассматривать не просто как вехи творческой биографии великого мыслителя, что делается до сих пор и не способствует критическому, а потому — продуктивному восприятию веберовского наследия, но и на фоне общеевропейского идеологического контекста конца XIX — начала XX в., весьма существенно отличавшегося от современного. В те времена многое из того, что стало привычным и естественным в политической теории и практике Европы конца XX — начала XXI в., только ещё входило в моду и зачастую казалось необычным или даже неразумным. Действительно, все европейские страны начала XX в., кроме трёх (Франция и Швейцария, с 1910 г. — и

⁴ *Кистяковский Б.А.* В защиту права (Интеллигенция и правосознание). // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 132-133; *Вебер М.* Новая Германия (декабрь 1918). // *Вебер М.* Политические работы. 1895-1919. М., 2003. С. 394.

⁵ Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения». Paris, 1905.

Португалия), были монархиями, во многих из них, из-за отсутствия народовластия и всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, большую роль играла аристократия, прежде всего — земельная, а политические права и свободы превалировали над социальными. В основе такого порядка вещей лежала идеология «старого либерализма», хранившего заветы классического либерализма и безраздельно царившего в Европе во второй половине XIX в. Апостолом «старого либерализма» в масштабе не только России, но и тогдашнего цивилизованного мира, был Б.Н. Чичерин, испытавший сильное воздействие политической мысли бисмарковской Германии, а потому уместно остановиться на нём, как на заочном оппоненте М. Вебера, несколько подробнее.

В отличие от адептов «нового либерализма», которые видели в монархии лишь этап на пути к более совершенной форме правления — республике, Б.Н. Чичерин отдавал явный приоритет монархии перед республикой, полагая, что ограниченный монарх — краеугольный камень конституции, «венце и ключ всего конституционного здания», а представительная монархия — самая оптимальная государственная форма, поскольку она «наиболее приближается к совершенному образу правления». Насколько «новый либерализм» являлся буржуазным по духу, настолько «старый либерализм» — дворянским. Не случайно, что Б.Н. Чичерин постулировал необходимость политического доминирования в конституционном государстве наследственной аристократии, считая, что она «всего более призвана к участию в государственных делах», и отдавая особое предпочтение крупным помещикам, ибо земельная собственность обеспечивает дворянству независимость, без которой «нет сколько-нибудь развитой общественной жизни, а тем более политической свободы». Мысль о принудительном отчуждении помещичьей земли, разделявшаяся сторонниками «нового либерализма», с точки зрения идеологов «старого либерализма» была неприемлемой не только в силу их приверженности принципу неприкосновенности частной собственности, но и по тому, что, по мнению Б.Н. Чичерина, крупные помещики представляют «для общества и для государства такой драгоценный оплот, которого ничто не может заменить». Апология аристократизма детерминировала критику Б.Н. Чичериным эгалитаризма, превозносившегося «новым либерализмом», поскольку «высшее развитие всегда составляет достояние меньшинства», и подчинение его «невежественной массе» стоит «в коренном противоречии как с требованиями государства, так и с высшими задачами человечества». Столь же суровой критике подвергался Б.Н. Чичериным и другой кумир «нового либерализма» — демократия, понимаемая как народовластие: «Всего ниже политическая способность

демократии, — писал он. — Наименее образованные классы, очевидно, менее всего способны судить о государственных делах, а тем паче ими руководить». Если народ не подчиняется «руководству высших классов», отмечал Б.Н. Чичерин, конституционному порядку «грозит падение». Вполне логично, что идеолог «старого либерализма» был и противником сопутствующего демократии всеобщего и прямого избирательного права, полагая, что оно «ведёт к понижению политической способности партии», вследствие чего демократия «искажает конституционный порядок», а потому «к политической жизни должны приобщаться, прежде всего, зажиточные и образованные классы». В отличие от поклонников «нового либерализма», Б.Н. Чичерин относился крайне отрицательно к социализму с его государственной благотворительностью, исходя из того, что она — «дело частное», государство же обязано оказывать помощь низшим классам лишь тогда, когда их бедность «грозит нарушить общественный порядок». По мнению Б.Н. Чичерина, «в свободном обществе каждый должен стоять на своих ногах и заботиться сам о своей судьбе», тем более что богатые являются социальной основой «всякого либерального порядка», массы же могут оказаться «орудием демагогов».⁶

Таков был символ веры не только Б.Н. Чичерина, но и многих членов Союза 17 октября (Партии октябристов) — ближайших оппонентов справа М. Вебера и его русских единомышленников. Без учёта этого символа невозможно понять ни логику, ни значение веберовской рефлексии о революции 1905—1907 гг. В основе данной рефлексии полемика не с консерватизмом как таковым, а с консервативным течением внутри либерализма, не только русского, но и германского, причём указанная полемика протекала тем острее, чем менее между участниками спора существовало разногласий относительно фундаментальных ценностей либеральной идеологии. В самом деле, программа самой консервативной из либеральных партий 1905—1906 гг., Отечественного союза, который, как и Союз 17 октября, обратил на себя внимание М. Вебера и являлся предтечей Правой группы реформированного Государственного совета и Постоянного совета Объединённого дворянства, тем не менее, базировалась на несомненной приверженности именно либерализму. Члены Отечественного союза резко отмежёвывались от черносотенного движения, ортодоксальных консерваторов, утверждая, что «народная расправа» со «смутой», революция справа, также, как и революция слева, «угрожала бы государству неисчислимыми бедствиями, обагрила бы кровью всю

⁶ Чичерин Б.Н. 1) Курс государственной науки. В 3-х ч. Ч. 2. Социология. М., 1896. С. 207; Ч. 3. Политика. М., 1898. С. 178, 179, 202, 208, 209, 234, 250, 251, 262, 264—265, 370, 413, 436, 519; 2) О народном представительстве. М., 1899. С. 127; 3) Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 63.

Россию и свергла бы страну во все ужасы анархии». Они не возражали против расширения избирательного права, но были «решительно против» его распространения «в равной мере на всех и каждого», исходя из того, что прямая подача голосов «неосуществима без явной опасности для государства», так как в этом случае в Думе «могут получить преобладание элементы разрушительные». Как национал-либералы, члены Отечественного союза признавали лозунг «Россия для русских» и «начало целости и нераздельности Русского государства, с допущением для окраин лишь таких вызываемых местными условиями особенностей, которыми не нарушилось бы единство России», параллельно предлагая властям «оберегать законные интересы» иноплеменников и «содействовать их хозяйственному и культурному развитию». Члены Отечественного союза сочувствовали веротерпимости и не желали «принудительно навязывать православную веру другим, ни насильственно удерживать в лоне православной церкви людей, духовно от неё отпавших», хотя и считали, что «православная церковь должна и впредь оставаться господствующею». Выступая за «самое широкое распространение общего и профессионального образования», члены Отечественного союза хотели, чтобы школа «не только обучала, но и воспитывала в духе религиозном и патриотическом». Аграрный вопрос они планировали разрешить, находясь на почве классического либерализма, т.е. «не путём принудительного отчуждения земель у частных владельцев», а через переселение крестьян на казённые земли, расширение деятельности Крестьянского банка, устранение чересполосицы, образование хуторов и ликвидацию общины, будучи, в этом смысле, непосредственными предшественниками П.А. Столыпина. Подчёркивая, что улучшение быта рабочих «требует попечения правительства», члены Отечественного союза выступали за то, чтобы власть учитывала «действительные нужды», а не «притязания политического свойства». Они признавали свободу слова, печати, союзов и собраний, но находили необходимым «упорядочить» их пределами закона, поскольку придавали первенствующее значение «неуклонному соблюдению закона и началу законности». Считая, что «при всяком режиме необходима сильная и твёрдая правительственная власть», члены Отечественного союза понимали — помимо голой силы, опорой для правительства должно служить и общественное мнение, но «именно мнение всей страны, а не взгляды представителей отдельных групп». ⁷ Таким образом, Отечественный союз объединял типичных консервативных либералов, которых, однако, их оппоненты слева, в том числе кадеты, изображали крайними реакционерами.

⁷ Программа «Отечественного союза» // Полный сборник платформ всех русских политических партий. М., 2001. С. 119–123.

Предметом спора между «старыми» и «новыми либералами» была не цель, а средства её достижения, а потому «старые» оказывались более умеренными, чем «новые», чей критический пафос, несмотря на декларировавшийся ими европеизм, не всегда соотносился с европейской традицией. В частности, кадеты, бывшие сторонниками однопалатного режима, критиковали власть за то, что в результате февральской реформы 1906 г., проанализированной М. Вебером, Государственный совет не только превратился в верхнюю палату, но и стал выборным лишь наполовину — другую половину назначал император. Однако по сравнению с аналогичными учреждениями стран Западной Европы начала XX в. состав нового Государственного совета, с точки зрения принципов, положенных в основу его комплектования, являлся одним из наиболее демократичных, учитывая, что английская Палата лордов состояла из наследственных, прусская Палата господ — как из наследственных, так и назначенных, наконец, итальянский Сенат — исключительно из назначенных членов.

Иными словами, «старые либералы» были прагматиками, приносившими теорию к изменчивому и сложному рельефу российских и западноевропейских политических реалий, а «новые либералы» — доктринёрами, стремившимися эти реалии подчинить теории даже тогда, когда в результате торжества отвлечённой справедливости рушился существующий мир. Однако неправильно трактовать русских единомышленников М. Вебера из числа «новых либералов» как тех, кто, подобно Бурбонам, «ничего не забыл и ничему не научился». Ещё в ходе революции 1905—1907 гг. правых кадетов захватил процесс переоценки ценностей, следствием чего стал выход в свет в 1909 г. знаменитого сборника «Вехи», причем одним из его участников явился Б.А. Кистяковский. Видя в революции, как и другие «веховцы», зло, хотя и неизбежное, вызванное предшествующей политикой власти, Б.А. Кистяковский в статье «В защиту права (Интеллигенция и правосознание)» остановился на коллективной вине русской интеллигенции, чей низкий уровень правосознания детерминировал эксцессы Первой революции, зачастую выливавшейся в «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

«Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы, — писал Б.А. Кистяковский, полемизируя с высокой оценкой, данной отечественной интеллигенции М. Вебером. — И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нём ценности; из всех культурных ценностей право находилось у неё в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного

правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития». С точки зрения уровня правосознания немецкая интеллигенция, по мнению Б.А. Кистяковского, выгодно отличалась от русской. «Ничего аналогичного, — отмечал он, — в развитии нашей интеллигенции нельзя указать».⁸ Некоторое дистанцирование М. Вебера от кадетской идеологии, заметное на страницах его «русских» работ, выдвижение им на первый план «свободы» и «индивидуализма» в противовес «теории развития», пожалуй, типологически сходно с «веховством».

Время окончательного отрезвления пришло несколько позднее. Симптоматично, что русские оппозиционеры, которые в 1905 г. выступали за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, т.е. «четырёххвостку», после 1917 г., когда она получила почти неограниченное воплощение, подвергли свои взгляды полной ревизии, поскольку суровая реальность разбила их идеальные мечты. Так, левый кадет князь В.А. Оболенский в 1905 г. «был сторонником “четырёххвостки” по целому ряду соображений, теперь, — писал он уже в эмиграции, — мне кажущихся легкомысленными и неправильными». В 1905 г., во время обсуждения одним из оппозиционных съездов резолюции об избирательном праве, князь Н.С. Волконский, находившийся на позициях «старого либерализма», воскликнул: «Господа, как себе хотите, а моя дурья башка постичь не может, как неграмотные мужики будут голосовать за неизвестных и чуждых им партийных кандидатов». «Если бы он дожил до революции 1917 г., — замечал В.А. Оболенский, — то понял бы, как это происходит, но ещё больше укрепился бы в правоте своей “дурьей башки”».⁹ Подобная же переоценка ценностей была характерна и для германских либералов, особенно после того, как Веймарская республика, чьим идеологическим отцом-основателем являлся в том числе и М. Вебер, невольно способствовала рождению Третьего рейха.

Центральным пунктом коллизии между «старым» и «новым либерализмом», оказавшимся особенно актуальным именно для М. Вебера, стал вопрос о конституционализме и парламентаризме, который наиболее целесообразно рассматривать в контексте государственно-правового дискурса конца XIX — начала XX в.¹⁰ Государствоведы того времени делили монархии на абсолютные и ограниченные, а последние — на дуалистические и парламентарные, видя в дуализме особую форму правления, отличную от абсолютизма и тождественную консти-

⁸ *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 123, 124–125.

⁹ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С. 278.

¹⁰ Подробнее о нем см.: *Куликов С.В.* Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в нач. XX в. // *Власть, общество и реформы в России (XVI — нач. XX в.)*. Мат. науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004.

туционализму. «Конституционная монархия, — писал идеолог Партии октябристов В.И. Герье, — представляет собой, как и парламентарная монархия, вполне законченный самостоятельный образ правления». В конституционно-дуалистической монархии, образцами которой были Пруссия и другие германские государства, монарх ограничивался палатами только в законодательстве, в управлении же он оставался неограниченным, а потому в такой монархии отсутствовало народовластие — правительство зависело не от народного представительства, а от монарха, который и царствовал и правил. Подводя итог опыту германского конституционализма, крупнейший государствовед Германии Г.К. Еллинек, кстати, лично знакомый с М. Вебером, писал, что «типическая черта немецкой конституционной системы, — преобладание правительства над парламентом, — осталась неизменной в течение истории». Конституционно-дуалистическая монархия базировалась на принципе монархического суверенитета (или монархического принципа), обоснованного немецкими юристами, считавшими, что единственной персонификацией государства и источником всех властей, верховной властью, является государь. «Господствующее в современной немецкой литературе направление, — писал Н.М. Коркунов в 1894 г., — признает государственную власть волей государства как особой юридической личности, причем единственным выразителем её воли считается в монархии, даже конституционной, один монарх». Тем не менее, немецкие юристы, наделяя дуалистического монарха огромными правами, трактовали его, в отличие от абсолютного государя, как ограниченного. «Признание монарха сувереном и носителем государственной власти во всей её полноте, — подчеркивал Н.И. Палиенко, — не означает собой, по объяснению германских учёных, что власть монарха безгранична».¹¹

М. Вебер, в отличие от столпов германского государствоведения, придерживался другой точки зрения: он не видел разницы между абсолютизмом и дуализмом и трактовал последний лишь как модификацию первого, применяя слово «конституция» не к дуалистической, «псевдоконституционной», а к парламентарной, «истинно конституционной», системе. В разведении этих понятий и заключается вся суть концепции о «псевдоконституционализме».

Что же понимали под парламентаризмом на рубеже XIX–XX вв.? Государствоведы того времени подчёркивали, что народное представительство, будучи парламентом, обеспечивает народовластие, поскольку, как в Англии, ограничивает монарха не только в законодательстве,

¹¹ *Коркунов Н.М.* Указ и закон. СПб., 1894. С. 104; *Палиенко Н.И.* Суверенитет. Ярославль, 1903. С. 311; *Герье В.И.* О конституции и парламентаризме. М., 1906. С. 3–4; *Еллинек Г.К.* Правительство и парламент в Германии. История развития их отношений. М., 1910. С. 57.

но и в управлении, базируясь на принципе народного суверенитета, а потому в этой монархии государь царствует, но не правит. «В монархии парламентарной, — писал Н.М. Коркунов, — парламент распространяет свою власть на все функции государственной власти, так что монарх вовсе не может осуществлять власти самостоятельно, без участия в том парламента». Главное ограничение власти парламентарного монарха состояло в том, что он не мог помимо народного представительства назначать и увольнять министров, однако это ограничение, как правило, имело не формальный, а фактический характер. Парламентарная система, признавали авторы проанализированного М. Вебером проекта российской конституции, «нигде не установлена законом», но «повсюду является результатом ... политического обычая». Фактический характер имела в парламентарной монархии и присущая ей ответственность министров перед народным представительством, устанавливаемая, подчёркивали те же авторы, «политической моралью». Система, при которой министры назначаются и увольняются палатами и отвечают перед нею, в начале XX в. и называлась парламентаризмом в узком смысле слова, причём, если «новые либералы» были его принципиальными сторонниками, «старые либералы», напротив, не видели в нём абсолютной панацеи. «Парламентское правление», полагал Б.Н. Чичерин, «не может считаться безусловным правилом для всех конституционных государств; случайное или ничтожное большинство не имеет права требовать, чтобы правительство непременно сообразовалось с его взглядами». Ту же самую точку зрения разделяли и члены Отчественного союза, являвшиеся противниками установления в России «такого парламентского строя, при котором (в противоположность режиму, существующему, например, в Германской империи и Соединенных Штатах) министры обязательно назначаются из среды большинства палаты и ответственны не пред главою государства, а пред палатою». Выступая за введение парламентаризма не только в России, но и в Германии, М. Вебер занимал весьма радикальную, даже для начала XX в., позицию, по сути дела, в качестве подлинного первопроходца, сознательно противопоставляя себя немецкому научному сообществу, поскольку скептическая оценка парламентаризма была общим местом для государствоведов кайзеровской Германии, причём как официозных, так и независимых. По наблюдениям Г.К. Еллинека, сделанным в 1909 г., «отношение немецкой науки к проблеме парламентского правления в высшей степени характерно в том отношении, что до сих пор ни один значительный теоретик государственного права и политики не высказался в пользу

этой системы для Германии, даже ни один из тех, кто признает преимущества парламентарного строя для его родины».¹²

Отмеченные особенности государственно-правового дискурса начала XX в. отразились не только на идеологическом фоне работ М. Вебера о русской революции, но и на трактовке им в этих работах некоторых ключевых проблем, одна из которых — роль в реформаторском процессе императора Николая II, чью консервативность оппоненты царя слева карикатурно преувеличивали, хотя все они видели только надводную часть айсберга. М. Вебер, подобно многим его современникам, особенно представителям «нового либерализма», воспринял как бесспорную данность миф о неискоренимой консервативности Николая II, шедшего, якобы на уступки либеральной оппозиции не по своей воле, а под давлением революционного движения. Конечно, Николай II не являлся либералом, но он не был и консерватором: император дистанцировался от партий и идеологий и пытался проводить политику, которая бы стала некой равнодействующей по отношению к левым и правым. Если в политической риторике Николая II присутствовали консервативные пассажи, то только вследствие веры царя в существование стихийного консерватизма подавляющего большинства его подданных, подтверждение чему император находил в черносотенном движении. Выказывая ритуальную консервативность, Николай II лишь пытался соответствовать настроению народных масс, надеясь таким образом нейтрализовать их сопротивление модернизации, а потому не столько являлся консерватором, сколько играл роль консерватора, на практике проводя политику преобразований в духе «старого либерализма».¹³

Точка зрения, разделявшаяся относительно Николая II М. Вебером и вообще «новыми либералами», предопределялась их уверенностью в том, что реформаторский потенциал самодержавия исчерпан. Однако «старые либералы» полагали иначе. Российская история, — отмечал Б.Н. Чичерин в 1899 г., — «доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения».¹⁴ Доказательством незавершённости модернизаторской миссии самодержавия является то, что уже в начале царствования Николай II имел собственный реформаторский проект, основу которого составило поли-

¹² Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3-х ч. Ч. 3. Политика. М., 1898. С. 246; Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции... С. 22, 58, 60; Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. С. 137; Еллинек Г.К. Указ. соч. С. 39; Программа «Отечественного союза»... 119.

¹³ О политической индивидуальности Николая II см.: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004 (параграф «Вы в душе либеральны...» Николай II на пути к «священному единению»).

¹⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. XVI–XVII.

тическое завещание его учителя — выдающегося представителя «старого либерализма» Н.Х. Бунге, содержавшее пространно мотивированную программу умеренно-либеральных преобразований. Реформаторская политика царя, вдохновляемая идеями Н.Х. Бунге, имела системный характер. Это подтвердили Указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и вызванные им реформы 1905–1906 гг., ставшие, по словам лидера Партии октябристов А.И. Гучкова, «торжеством русского либерализма». Внешне Указ 12 декабря выглядел как ответ на требования оппозиции, но в действительности он оказался торжеством не общественного, а правительственного либерализма, поскольку, по свидетельству видного царского сановника А.Н. Куломзина, стал «полным осуществлением» завещания Н.Х. Бунге. Кроме завещания, источниками реформаторского проекта Николая II были программы преобразований, которые по заказу царя разработали министры внутренних дел В.К. Плеве, князь П.Д. Святополк-Мирский и П.А. Столыпин.¹⁵

Впрочем, М. Вебер, имея в виду, прежде всего, Западную Европу, был далёк от упрощённого противопоставления демократии и монархии и видел суть вопроса не в форме правления, а в степени ее бюрократизированности. М. Вебер отмечал, что «продвижение к бюрократическому чиновничеству, основанному на постоянных местах работы, на жалованье, пенсиях, служебной карьере, профессиональной выучке и разделении труда, непоколебимой компетенции, документальном протоколировании, иерархической упорядоченности чинов», служит «недвусмысленным критерием модернизации государства, как демократического, так и монархического». Парадоксальное, на первый взгляд уравнивание демократии и монархии вытекало из того, что, по мнению М. Вебера, модернизированные государства генетически связаны со своими традиционными предшественниками, как бабочка и личинка. Выделяя идеальный тип, в основе которого находится «собственное правление господина», М. Вебер указывал, что к этому типу относятся «все формы патриархального и патримониального господства, султанской

¹⁵ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642 (А.Н. Куломзина). Оп. 1. Д. 195. Л. 83; Из дневника князя В. Орлова // Былое. 1919. № 14. С. 57; Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. Публ. В.Л. Степанова // Река времен. 1996. Кн. 5; «Загробные заметки» Н.Х. Бунге. 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вт. пол. XIX в.). Сост. Л.Е. Шепелев. СПб., 1999; Документы и материалы Совещания (конференции) Союза 17 октября. Петербург, 7–10 ноября 1913 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. Публ. Д.Б. Павлова. В 2-х т. Т. 2. 1907–1915 гг. М., 2000. С. 427; *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. М., 2002.

деспотии и бюрократического государственного строя», который «в своей самой рациональной форме характерен и для современного государства и именно для него». Более того, даже накануне падения монархии в Германии к числу «сил», которые «в жизни современного конституционного государства — наряду с всеопутывающим чиновничеством — только и в состоянии играть роль контролирующей и направляющей инстанции», М. Вебер относил не только парламент, но и монарха. После падения кайзеровского режима, вопреки политической конъюнктуре, М. Вебер утверждал, что «парламентская монархия, как прежде, представляет собой технически наиболее приспособляемую к обстоятельствам и в этом смысле сильнейшую государственную форму, без всякого ущерба для безусловно радикальной социальной демократизации, к которой мы стремимся и которой монархия не обязательно помешает».¹⁶ Если, анализируя реформаторский потенциал романовской монархии, как и некоторые другие темы из истории русской революции, М. Вебер и склонялся к известному упрощению, то происходило это не просто независимо, но и вопреки всеохватности веберовского гения.

Проблема заключается не в качестве анализа М. Вебера, а в количестве, вернее — дефиците, информации, на основании которой он делал свои выводы. В поле зрения М. Вебера не только до 1917 г., но и после не попали факты, которые, в силу разных причин, оставались тайной даже для весьма осведомлённых современников. Так, реформаторский проект Николая II подразумевал, помимо прочего, создание народного представительства, но такого, которое бы соответствовало дуалистической, а не парламентарной системе. М. Вебер не знал, да и не мог знать, что вопрос о создании представительного органа царь поднял независимо от оппозиционного, а тем более — революционного, движения ещё в 1900 г., когда тайно повелел составить указ «о созыве представителей» «для обсуждения современного политического и экономического положения в России». В 1902–1904 гг. план создания Государственной думы, опять-таки тайно, монарх обсуждал совместно с В.К. Плеве, а вопрос о введении выборных членов в Государственный совет — с П.Д. Святополк-Мирским. Именно поэтому учреждение в 1905–1906 гг. Думы и другие реформы того времени необходимо рассматривать как инициированные не только оппозицией, как полагал М. Вебер, но и властью, прежде всего, в лице Николая II. Даровав населению 17 октября 1905 г. политические права, царь избегал

¹⁶ *Вебер М.* 1) Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 646; 2) Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни (май 1918) // *Вебер М.* Политические работы. 1895–1919. М., 2003. С. 126–127, 149; 3) Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // *Вебер М.* Указ. соч. С. 345.

ускорения реформаторского процесса не по причине своей консервативности, а в силу смычки оппозиции с революцией, что вело к отказу оппозиции от компромисса с властью. «Николай II, — писал С.Ю. Витте, вообще склонный преувеличивать консервативность императора, — исполнил бы данные 17-го октября обещания, если бы культурные классы населения выказали благоразумие и сразу отрезали бы от себя революционные хвосты. Но этого не случилось; культурные классы населения оказались не на высоте положения, которое, впрочем, приобретает большим политическим и государственным опытом. 17-е октября дало повод культурным либеральным классам населения предъявить крайние требования, до которых можно доходить лишь постепенно, приспособлявая к ним государственную жизнь,двигающуюся преемственно, иначе водворяется хаотическое состояние». Политика Николая II в большей степени способствовала модернизации России, чем революционное движение, скорее её тормозившее, но бесспорность этого стала очевидной только после 1917 г.: будучи в эмиграции, П.Б. Струве признал, что в «деяниях» самодержавной монархии «гораздо больше от здравых и прогрессивных начал французской революции, чем во всей русской революции».¹⁷

Специфику оценок, данных Николаю II М. Вебером, предопределило типичное для него методологическое допущение, что в таких странах, как Россия, монарх, олицетворяя традиционный тип легального господства, находится над, а потому и вне бюрократической иерархии. Конечно, традиционная функция царя, противоречившая рациональной функции бюрократии, действительно как бы выносила его за скобки старого режима, особенно после того, как с образованием объединённого правительства в виде Совета министров во главе с С.Ю. Витте бюрократическая рационализация достигла своего апогея. Прогноз М. Вебера о том, что бинарная оппозиция «Николай II—высшая бюрократия» — «иррационализм—рационализм», обладающая сокрушительным потенциалом, окажется причиной падения самодержавия, в Феврале 1917 г. полностью оправдался. Вместе с тем, используя методологию М. Вебера при анализе источников, которые не попали в поле его зрения, можно сделать вывод, что в России начала XX в. взаимоотношения монарха и бюрократии были несколько сложнее. Целесообразно, в этой связи, обратиться к учению М. Вебера о трёх идеальных типах легального господства, которое зачастую понимается весьма схематично.

¹⁷ *Струве П.Б.* Познание революции и возрождение духа // *Струве П.Б.* Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 440; *Куликов С.В.* Правительственный либерализм нач. XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы (Мат. межд. конф.). СПб., 2001. С. 84–85; Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания. В 2-х т. СПб., 2003. Т. 2. С. 498.

Согласно М. Веберу, в гуманитарных науках идеальный тип выступает как «конструкция целерационального действия» («вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности»), причём он изначально не является реальностью, а параллелен ей, поскольку в рамках любого типа «реальное, обусловленное различными иррациональными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как “отклонение” от чисто рационально сконструированного». М. Вебер особо оговаривался, что конструирование идеального типа «надо рассматривать только как методический приём и ни в коем случае не делать в данном случае вывод о действительном преобладании рационального в повседневной жизни». «Реальное поведение, — подчеркивал он, — чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближённо, соответствует конструкции идеального типа». Более того, М. Вебер даже утверждал, что идеальные типы «столь же редко встречаются в реальности в абсолютно идеальной чистой форме, как физическая реакция, полученная в условиях полного вакуума». Тем не менее, без идеальных типов, этих основных форм и предпосылок научного познания, оно, именно как параллельное эмпирике, попросту невозможно. «Чем отчётливее и однозначнее конструированы идеальные типы, — писал М. Вебер, — чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение, конкретное каузальное сведение отдельных событий в историческом исследовании, по существу, носит такой же характер». Однако М. Вебер не абсолютизировал идеальные типы, полагая, что они важны не сами по себе, а именно как элементы аналитического инструментария, имея прикладное значение. «Исследователю, — по его мнению, — очень часто приходится делать выбор между методологически неясными и ясными, но нереальными “идеально-типическими” процессами. При такой альтернативе в научном анализе следует отдавать предпочтение вторым». Правильно понятые идеальные типы не упрощают реальность, а оттеняют её сложность. «Одно и то же историческое явление, — полагал М. Вебер, — может быть, например, в одних своих составных частях “феодальным”, в других — “патримониальным”, в третьих — “бюрократическим”, в некоторых — “харизматическим”».¹⁸ Но это и наблюдалось в случае с последним императором.

Николай II настолько же дистанцировался от чиновничества, видя в нём «средостение» между собой и народом, насколько и возглавлял бюрократическую иерархию, будучи высшим чиновником

¹⁸ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 605–606, 606, 609, 622, 624, 625.

Российской империи. «Император — отмечал кадетский государствовед барон Б.Э. Нольде — был высшим чиновником, дальше которого некуда было посылать бумаги на подпись, и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал, таким образом, бюрократическую иерархию».¹⁹

Доминирующей чертой личности Николая II являлась его страсть к чисто бюрократической деятельности, прежде всего, к работе с документами. Министр финансов П.Л. Барк свидетельствовал, что большую часть рабочего времени императора занимало «чтение многочисленных докладов и донесений, которые ему были адресованы». Отношение царя к документам было не только пассивным (чтение), но и активным (наложение маргиналий). Николай II, отмечал дворцовый комендант генерал В.Н. Воейков, оснащал бумаги «своими пометками или резолюциями». Большой объем работы ни в коей мере не задерживал исполнения монархом обязанностей высшего чиновника. Статс-дама баронесса С.К. Буксгевден подчёркивала, что «ни одна бумага» не оставалась на столе Николая II, и он «всегда прочитывал и возвращал все без задержки». Рабочий день императора заканчивался только с подписанием последней бумаги, т.е. за полночь. Фрейлина А.А. Вырубова вспоминала, что «даже восемь часов работы» были для Николая II «редким исключением». В июне 1916 г. царь сообщал жене, что «обыкновенно» ложится спать «после 1 ч. 30 м.» ночи, «проводя время в вечной спешке с писанием, чтением и приемами».²⁰ Закрытость царской семьи от внешнего мира не позволила М. Веберу признать в Николае II первого кандидата на роль идеального бюрократа, описанного немецким мыслителем.

В самом деле, согласно М. Веберу, идеальный бюрократ — это чиновник, который, будучи лично свободен, подчиняется деловому долгу, вписан в жёсткую иерархию, имеет определённую компетенцию, служит по контракту, назначается в соответствии со специальной квалификацией, вознаграждается фиксированным содержанием, рассматривает службу как основную профессию, чётко представляет свою карьеру, работает в отрыве от средств управления и подлжит строгой служебной дисциплине и контролю.²¹ Между тем, соблюдение Николаем II того, что «он

¹⁹ *Нольде Б.Э.* Из истории русской катастрофы // *Современные записки.* 1927. Кн. 30. С. 542.

²⁰ *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний [О Николае II] // *Возрождение.* 1955. Тетр. 43. С. 10; *Буксгевден С.К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // *Возрождение.* 1957. Тетр. 67. С. 29–30; *Гурко В.И.* Царь и царица. Киров, 1991. С. 5, 13, 15; *Воейков В.Н.* С царем и без царя. М., 1994. С. 211; *Вырубова А.А.* Неопубликованные воспоминания // *Николай II: Воспоминания. Дневники.* Сост. Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин. СПб., 1994. С. 180; *Николай II — Александре Федоровне.* 11 июня 1916 г. // *Николай II в секретной переписке.* М., 1996. С. 475.

²¹ *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft.* Tübingen, 1976. S. 126–127.

почитал своим долгом, — отмечал В.И. Гурко, вообще относившийся к последнему царю отрицательно, — достигало необычайной самоотверженности». Во имя принципа иерархии царь, указывал либеральный генерал Ю.Н. Данилов, прерывал доклады министров «в тех случаях, когда вопросы выходили за пределы их непосредственного ведения». В то же время, не выходя за границы своей компетенции, монарх, по сведениям С.К. Буксгевден, смотрел на министров как на «специалистов» в своём деле и считал, что «должен доверять их опыту». Не только ирония, но и презентация себя как пожизненного контрактника водила пером императора, когда в собственной военной книжке в графе «Срок службы» он написал: «До гробовой доски». Вступление на престол Николая II можно трактовать как форму такого назначения на должность, которое учитывает квалификацию, полученную им в качестве наследника. С 1906 г. Императорский двор фактически финансировался на основе «цивиль-листа», т.е., иными словами, царь с этого времени получал фиксированное содержание. Видя в государственной деятельности основную профессию, Николай II, по свидетельству В.И. Гурко, считал «своим священным долгом перед вручённой ему Богом державой посвящать служению ей всё свое время, все свои силы». Императору были присущи и чёткое, хотя и своеобразное, представление об ожидающей его карьере, и отчуждённость от средств управления, в силу разделения даже царских имуществ на личные и связанные с магистратурой монарха (поэтому, к примеру, Зимний дворец считался не частной, а государственной собственностью). Наконец, Николай II подчинял себя служебной дисциплине и чувству ответственности. По наблюдениям другого либерального генерала М.С. Пустовойтенко, сам император «никогда» не шёл на нарушение закона, делая это «только под влиянием докладов лиц», которые хотели «что-либо облечь в форму его, якобы, личного желания». Царь, подчёркивал П.Л. Барк, «был проникнут чувством ответственности и не хотел, чтобы эта ответственность перекладывалась на другие плечи».²²

Таким образом, аутентичное толкование учения о трёх идеальных типах легального господства позволяет сделать вывод, что оппозиция «иррационализм—рационализм» коренилась не только во взаимоотношениях Николая II и бюрократии, как утверждал М. Вебер в 1905–1906 гг., но и в многоликости самого монарха, одновременно игравшего, или пытавшегося играть, роли традиционного правителя, высшего чиновника и богоизбранного харизматика. Коллизия между этими ролями и привела к

²² *Лемке М.К.* 250 дней в Царской ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916). Пб., 1920. С. 747; *Барк П.Л.* Указ. соч. С. 8; *Буксгевден С.К.* Указ. соч. С. 28 — 29; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 5, 13; *Данилов Ю.Н.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче. // Николай II: Воспоминания. Дневники... С. 422.

конфликту между Николаем II и бюрократической элитой, действительно предрешившему победу Февральской революции 1917 г., на что указывается в статье «Переход России к псевдодемократии».

Несомненно, что анализ М. Вебером Второй русской революции способствовал дальнейшей концептуализации его трактовки взаимоотношений между монархией и бюрократией, которая вначале порождается монархией, а затем, фактически или формально, уничтожает её. В тех странах, где, по наблюдениям М. Вебера, «династии удерживали в своих руках реальную власть — как это в особенности имело место в Германии, — интересы князей оказывались солидарными с интересами чиновничества в противоположность парламенту и его притязаниями на власть». Однако на определённом этапе своей истории, особенно в связи с образованием народного представительства, бюрократия отрывается от личности государя и становится самодостаточной, а потому готовой служить не только монархии, но и республике. М. Вебер писал, что «бюрократическая машина по характеру своих идеальных и материальных движущих сил и в связи с природой современной хозяйственной жизни, каковая при сбое в этой машине оказалась бы в катастрофическом состоянии, — при известных условиях, не раздумывая, готова служить каждому, кто физически обладает необходимыми средствами насилия и гарантирует сохранность чиновничьих должностей».²³

Более дифференцированно, по причине базирования М. Вебера на более широком круге источников, он охарактеризовал роль в реформаторском процессе высшей царской бюрократии, указав на её политическую неоднородность и существование внутри неё прослойки либеральных чиновников и даже признав (правда, в примечании и морально дистанцировавшись от такой «утилитарной» оценки), что позднейшие историки будут иметь известные основания для реабилитации бюрократической элиты. При всей нетрадиционности такого подхода, первоначально М. Вебер, не без влияния русских единомышленников, анализировал весьма традиционно отношения между бюрократией и обществом, делая акцент на антагонизме между ними, в связи с чем несколько преувеличил значение бюрократического консерватизма, хотя мнение об этом антагонизме также является мифом.

Ещё в 1899 г. министр финансов С.Ю. Витте справедливо подчёркивал, что все чиновники «от высших до низших» — «члены русского общества», по которым можно судить «о среднем уровне общества», а потому «прогрессивное движение в обществе отражается прогрессом

²³ Вебер М. 1) Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 659; 2) Будущая государственная форма Германии (ноябрь 1918) // Вебер М. Политические работы. 1895–1919. М., 2003. С. 347.

в бюрократии; застой в нем — реакцией в ней». Впрочем, уже в 1909 г. Б.А. Кистяковский, переосмысливая опыт революции 1905—1906 гг. на страницах «Вех», также поставил под сомнение тезис об антагонизме между бюрократией и интеллигенцией: «Русскую бюрократию обыкновенно противопоставляют русской интеллигенции, и это в известном смысле правильно. Но при этом противопоставлении может возникнуть целый ряд вопросов: так ли уж чужд мир интеллигенции миру бюрократии; не есть ли наша бюрократия отпрыск нашей интеллигенции; не пытается ли она соками из неё; не лежит ли, наконец, на нашей интеллигенции вина в том, что у нас образовалась такая могущественная бюрократия?» Позднее и сам М. Вебер ещё более определённо указал на тождественность российской интеллигенции и бюрократической элиты. Подразумевая «буржуазную интеллигенцию», М. Вебер писал, что «как высшая бюрократия, так и офицерский корпус в России, как и везде, в большей мере рекрутируется из представителей этих имущих слоев». В сорастворении интеллигенции и бюрократии М. Вебер видел тенденцию, свойственную всякому модернизирующемуся обществу, подчёркивая, что «развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовишной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь».²⁴

В начале XX в. вследствие взаимопроникновения бюрократии и интеллигенции, широкие массы которой были привержены либерализму, консервативная монолитность бюрократической элиты Российской империи стала лишь эфемерной видимостью. Подразумевая воззрения представителей бюрократической элиты, консервативный мыслитель Л.А. Тихомиров записал в дневнике 11 февраля 1905 г.: «Часть из них — принципиальные враги самодержавия и желают конституции». Будущий министр иностранных дел А.И. Извольский сообщил 15 марта 1905 г. дочери бывшего министра Двора графа И.И. Воронцова-Дашкова: «почти все» министры «видят ясно, что нужны крупные либеральные реформы». Влияние консерваторов внутри бюрократической элиты России начала XX в. было небольшим настолько, что при её изучении гораздо актуальнее оппозиция «старые либералы»—«новые либералы», чем оп-

²⁴ *Bumme С.Ю.* Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка (1899 г.). Stuttgart, 1903. С. 205; *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 657; *Кистяковский Б.А.* Указ. соч. С. 139—140.

позиция «консерваторы—либералы», применявшаяся М. Вебером, который проблему политической неоднородности высшей бюрократии применительно к Германии решал отнюдь не однозначно. Признавая, что «подлинной профессией настоящего чиновника» «не должна быть политика», М. Вебер, однако, подчеркивал, что «чистое господство чиновников», существовавшее не только в Германии, но и в России, «не означает отсутствие господства какой-либо партии», в связи с чем различал чиновников-специалистов и «политических» чиновников, указывая, также, на «фигуру партийного чиновника».²⁵

Чрезмерно утрированному восприятию немецким мыслителем и его русскими единомышленниками консерватизма высшей царской бюрократии способствовало то, что именно она проводила не только реформы, но и репрессии, затронувшие революционеров и оппозиционеров. Однако сами по себе репрессии по отношению к ниспровергателям существующего легального режима не противоречили «старому либерализму». «В смутные времена, — писал Б.Н. Чичерин, — бывает даже необходимо приостановить законы, ограждающие личную свободу, и вручить правительству некоторым образом произвольную власть. Чрезвычайные обстоятельства вызывают и чрезвычайные средства. Обыкновенные суды, строго охраняющие закон, в этих случаях устраняются и вводятся суды военные». Сочетание репрессий и реформ соответствовало традиции западноевропейского либерализма — достаточно вспомнить отношение А. Тьера к Парижской коммуне. Кадетский государствовед С.А. Котляревский, небезызвестный М. Веберу, подчёркивал, что превращение монархии из абсолютной в конституционную «может идти рядом с полным признанием запроса на власть весьма сильную и энергичную, принимающую временами характер подлинной национальной диктатуры, как это показывает новейшая история передовых западных демократий». На подобную диктатуру и претендовал кабинет С.Ю. Витте, критиковавшийся за это М. Вебером и его русскими единомышленниками, хотя для власти начала XX в., в отличие от революционеров, политика репрессий являлась не самоцелью, а средством обеспечения политики реформ. Именно поэтому антиреволюционный террор по своей массовости был абсолютно несопоставим с революционным террором. На склоне лет левому кадету В.А. Оболенскому даже режим, существовавший с

²⁵ Демидова С.И. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 169; Тихомиров Л.А. 25 лет назад (Из дневников). Публ. В.В. Максакова // Красный архив. 1930. Т. 39. С. 63; Вебер М. 1) Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 660, 666, 670; 2) Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни (май 1918) // Вебер М. Политические работы. 1895–1919. М., 2003. С. 186.

августа 1906 по февраль 1907 г., т.е. во время действия военно-полевых судов, казался «сравнительно мягким»: «Едва ли я ошибусь, — писал он, — если определю число казнённых за весь период революции 1904—1906 гг. в несколько сот человек. Что значат такие цифры по сравнению с количеством казней, производившихся в России после Октябрьской революции!» Характерно, также, что принципиальные противники смертной казни, кадеты Ф.Ф. Кокошкин и А.И. Шингарёв, после победы Февральской революции 1917 г., придя во власть, были вынуждены согласиться с применением смертной казни по отношению к политическим противникам буржуазно-демократического Временного правительства. Трагический опыт Второй русской революции изменил и мнение М. Вебера относительно целесообразности репрессий против революционного движения в Германии, заставив его в 1918 г. сделать следующий вывод: «Против путчей, саботажа и тому подобных политически бесплодных взрывов, проявляющихся во всех странах, ... любое, в т.ч. и самое что ни на есть демократическое и социалистическое правительство, должно применять законы военного времени, если оно не желает навлечь такие последствия, как сегодня в России».²⁶

От русского освободительного движения М. Вебер воспринял не только представление о консервативности высшей бюрократии, но и ходячие репутации отдельных государственных деятелей. Министр внутренних дел П.Н. Дурново, неоднократно упоминаемый М. Вебером, имел, как «душитель революции», репутацию крайнего реакционера, но в действительности был намного более сложной личностью. В 1900—1905 гг., на посту товарища министра внутренних дел, он, по воспоминаниям сослуживца, выступал в качестве «либерала-прогрессиста», а накануне открытия I Думы, будучи руководителем МВД, «усиленно готовился» к её открытию и говорил, подразумевая думцев: «Вот они увидят, какой я реакционер». Заслужить доверие нижней палаты П.Н. Дурново надеялся путем выдвижения перед ней «целой программы либеральных мероприятий», чему помешало лишь его увольнение. Вместе с тем, в записке П.Н. Дурново, представленной Николаю II в начале 1914 г., бывший министр внутренних дел высказался против излишне тесного союза правительства и оппозиции. В записке, помимо прочего, проявились несомненные пророческие способности её автора, поскольку П.Н. Дурново предсказал не только гибель монархии в России в случае вступления её в

²⁶ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 711; Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912. С. 194; Оболенский В.А. Указ. соч. С. 334; Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни (май 1918) // Вебер М. Политические работы. 1895-1919. М., 2003. С. 245.

войну с Германией, но и торжество на своей родине крестьянского социализма, в чём сходилась с М. Вебером. Рассматривая ещё Первую русскую революцию, он считал вероятной именно социалистическую альтернативу, в связи с чем уделил особое внимание анализу программ и проектов социалистических партий, выражавших интересы крестьянства (прежде всего, социалистов-революционеров и народных социалистов). Предпосылкой исполнения своего прогноза П.Н. Дурново считал то, что в России «народные массы, несомненно, исповедуют принцип бессознательного социализма», а потому она представляет собой «особенно благоприятную почву для социальных потрясений», вследствие чего «политическая революция, — подчёркивал П.Н. Дурново, — в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое». Для предотвращения торжества социализма П.Н. Дурново и рекомендовал императору не идти на соглашение с оппозицией, которое «в России безусловно ослабляет правительство», поскольку «наша оппозиция ... никакой реальной силы ... не представляет». Слабость оппозиции, по мнению П.Н. Дурново, состояла в том, что она «сплошь интеллигентна», между тем как народ и интеллигенцию разделяет «глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия». П.Н. Дурново находил странным, чтобы при таких условиях правительственная власть «серьёзно считалась с оппозицией», отказавшись от роли «беспристрастного регулятора социальных отношений» и выступая перед широкими народными массами в качестве «послушного органа классовых стремлений интеллигентско-имущего меньшинства населения». «Требую от правительственной власти ответственности пред классовым представительством и повиновения ей же искусственно созданному парламенту, — не без остроумия констатировал П.Н. Дурново, — наша оппозиция, в сущности, требует от правительства психологии дикаря, собственными руками мастерящего идола и затем с трепетом ему поклоняющегося». Капитуляция царского правительства перед думской оппозицией привела бы, по мнению П.Н. Дурново, к полному крушению того строя, в рамках которого они противостояли друг другу. «Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии, — писал он, — будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».²⁷ Печальная судьба Временного правительства показала, что автор этой цитаты был не так уж далек от истины.

²⁷ *Тарле Е.В.* Германская ориентация и П.Н. Дурново в 1914 г. // *Былое*. 1922. № 19. С. 172, 173, 174; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 224, 537.

Коллизия между «старым» и «новым либерализмом» дала себя знать и при анализе М. Вебером решения бюрократической элитой аграрного вопроса — центрального, по его мнению, вопроса русской революции. Специфика позиции царя и его министров по этому вопросу детерминировалась тем, что упомянутая коллизия существовала, помимо общества, и во власти: в конце 1905 — начале 1906 г. среди сановников были и сторонники (Н.Н. Кутлер), и противники (И.Л. Горемыкин) принудительного отчуждения помещичьей земли. Показательно, однако, что даже для таких сторонников отчуждения, как Н.Н. Кутлер, задача доведения всех крестьянских наделов до норм Положений 19 февраля 1861 г., квалифицировавшаяся как «сравнительно скромная», представлялась «практически неосуществимой». В случае ликвидации помещичьего землевладения, подчеркивал Н.Н. Кутлер, крестьянское землевладение в среднем увеличилось бы «на ничтожные доли десятины», а потому за подобным способом увеличения наделов «вовсе не может быть признано какого-либо существенного значения». Противники Н.Н. Кутлера исходили как из принципа неприкосновенности частной собственности, так и из иностранного опыта. Автор доклада, на котором Николай II в ноябре 1905 г. начертал: «Это умная записка», подразумевая отчуждение помещичьих земель, отмечал, что «подобной меры ни в одном государстве не только осуществлено, но даже и на бумаге разработано до сих пор не было», а потому данная мера — «акт безумия». Отчуждение привело бы к экономической катастрофе, поскольку неизбежным последствием «аграрной революции», прогнозировал автор доклада, будет обнищание всего народа и банкротство государственного хозяйства. Обнищание народа последовало бы из-за исчезновения заработков в деревне, доставлявшихся именно помещичьими имениями, и сокращения заработков в городе, вызванного закрытием большинства фабрик и уничтожением рынка для фабрично-заводских товаров по причине дефицита платёжных средств у населения, поскольку с разделением имений на мелкие владения, обработка которых заняла бы всё рабочее время крестьян, они были бы вынуждены вернуться от денежного хозяйства к натуральному, за удовлетворением собственных потребностей почти не получая с наделов избытков урожая. Банкротство государства, подчёркивалось в докладе, произошло бы по причине резкого сокращения экспорта зерновых, ибо хлебные избытки доставляли преимущественно помещичьи имения, урожайность которых была на 20 % выше урожайности крестьянских земель, и именно эти 20 % и составляли около половины хлебного экспорта России.²⁸ Правильность

²⁸ Записка о недопустимости дополнительного наделения крестьян. 17 ноября 1905 г.; Объяснительная записка к Проекту закона о мерах к расширению и улучшению крестьянского землевладения. Не позднее 13 февраля 1906 г. // Аграрный вопрос в Совете министров

приведённого прогноза подтвердили события 1917–1918 гг., когда ликвидация большевиками помещичьего землевладения привела не только к обнищанию народа и банкротству государства, но и к беспримерному голоду.

Возвращаясь в 1905–1906 гг., необходимо отметить, что субъективно или объективно, но Николай II и И.Л. Горемыкин, а затем и П.А. Столыпин, решали аграрный вопрос в духе «старого либерализма», и потому симпатии М. Вебера, как поклонника «нового либерализма», были, в данном случае, на стороне Н.Н. Кутлера и оппозиции. Так или иначе, но веберовский анализ лишней раз доказывает, что в начале XX в., вследствие социальной эволюции бюрократической элиты, граница между нею и российской интеллигенцией практически исчезла. Противостоя друг другу только внешне, власть и общество представляли собой сообщающиеся сосуды, соединенные достаточно разветвленной сетью неофициальных каналов, которые функционировали не только снизу вверх, но и сверху вниз, поскольку бюрократия, вспоминая один из лидеров Кадетской партии И.В. Гессен, «сама сознавала наше моральное превосходство».²⁹ Лучше всего это видно на примере подготовки Основных государственных законов 1906 г.³⁰, которые удостоились особого внимания со стороны М. Вебера, поскольку обобщили все предыдущие преобразования.

М. Вебер знал, что к составлению проекта Основных законов причастен П.А. Харитонов — один из начальников Государственной канцелярии, обеспечивавшей делопроизводство Государственного совета и ве-

(1906 г.). Публ. Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета и В.М. Фриче. М.; Л., 1924. С. 43, 44, 63, 64, 65, 66, 67.

²⁹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. 1937. Т. 22. С. 282. Подробнее об итогах социальной эволюции высшей царской бюрократии и превращении её в «служилую интеллигенцию» см.: Куликов С.В. 1) Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в нач. XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Пер. тр. XX в. Тез. док. и сообщ. науч. конф. С.-Петербург 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996; 2) Социальная эволюция высшей царской бюрократии во вт. пол. XIX — нач. XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России. XIX–XX вв. Сб. ст. памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999 (совместно с Б.Б. Дубенцовым).

³⁰ См. о них: Куликов С.В. 1) Граф С.Ю. Витте и П.А. Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С.Ю. Витте — выдающийся государственный деятель России. Мат. науч. конф. СПб., 1999; 2) Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России нач. XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Мат. всерос. науч.-методол. сем. СПб., 2004; 3) Японские корни русской конституции // Родина. 2005. № 10. См., также: Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. Ввод. ст., подг. текста и комм. С.В. Куликова // Русское прошлое. 1998. Кн. 8; Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы. Вступ. ст., подг. текста и комм. С.В. Куликова // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть.

давшей кодификацией. М. Вебер, однако, не знал, что, составляя проект по личному заказу Николая II, П.А. Харитонов использовал документы, исходившие из оппозиционного лагеря и попавшие в поле зрения М. Вебера — проекты конституции, подготовленные Союзом освобождения (ПСО) и С.А. Муромцевым (ПСМ), и программу Кадетской партии (ПКП). Сам П.А. Харитонов охарактеризовал эти документы как «материалы, бывшие в виду» при составлении проекта и служившие ему в качестве «путеводной нити». Насколько же ПСО, ПСМ и ПКП были востребованы П.А. Харитоновым? Из 80 статей ПСО он заимствовал 41 (51 %), из 113 статей ПСМ — 44 (39 %) и из 57 пунктов ПКП — 13 (23 %). В конечном итоге из 65 статей проекта П.А. Харитонova 40 (62 %) были заимствованы из ПСО, 48 (74 %) — из ПСМ, 18 (28 %) — из ПКП и 59 (91 %) — из всех трёх источников. Налицо, таким образом, преобладающее влияние на П.А. Харитонova оппозиционных источников, результатом чего стало то, что бюрократический проект получился столь же либеральным, как и они, поскольку проводил идеал парламентарной монархии. После консервативной цензуры С.Ю. Витте системообразующей идеей Основных законов стал дуализм, заслонивший собой парламентаризм, однако к моменту их издания из 82 статей «харитоновской» оставалась 51 (62,2 %).

Главными критиками Основных законов слева были кадеты, называвшие Основные законы «лжеконституцией», причём такая оценка детерминировалась не научной, а политической мотивацией, что признавали сами же кадеты. Выступая 4 апреля 1907 г. с публичной лекцией, В.А. Маклаков охарактеризовал наблюдавшееся год назад отношение Кадетской партии к Основным законам как «возмущение и негодование всех, но такое отношение, — подчеркнул он, — диктуется политическим моментом, а не юридическим анализом».³¹ Тем не менее, как и кадеты, М. Вебер также считал, что реформы 1905–1906 гг. учредили в России «Scheinkonstitution», а не подлинную конституцию, причём, по иронии истории, в данном случае его оппонентами стали не только именитые соотечественники — М.Л. Шлезингер, А. Пальме, О. Хёцш, но и Б.А. Кистяковский и другие оппозиционные государствоведы, которые, в качестве учёных, а не политиков, проявляли научную объективность.

Согласно мнению российского научного сообщества начала XX в., совокупностью актов, изданных в 1905–1906 гг., самодержавная монархия превратилась из абсолютной в ограниченную. По сделанным в 1913 г. наблюдениям консервативного юриста П.Е. Казанского, «большинство» современных ему специалистов находило, что «законодательная власть

³¹ Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневника Е.Я. Кизеветтер). Публ. М.Г. Вандалковской и А.Н. Шаханова // Российский архив. 1994. Т. 5. С. 400.

государя императора вообще ограничена». В 1908 г. Б.А. Кистяковский считал, что Основные законы, вместе со статутами Думы и Государственного совета и Положением о выборах в них, «вводят новый у нас принцип ограничения монархической власти». Для оппозиционных государствоведов являлось, также, очевидным и то, что с 1906 г. в России, подобно другим европейским государствам, существует дуалистическая монархия. В 1910 г. С.А. Котляревский полагал, что «русский государственный строй является совершенно дуалистическим в смысле противоположности парламентаризму и вообще недопущения в какой бы то ни было степени начал политической ответственности. Дуалистический отпечаток в нём выражен явственнее, чем в таком классическом образце этого типа, как прусская конституция — не говоря уже об австрийской». Поскольку с 1906 г. в России существовал дуализм, в ней по-прежнему не было парламентаризма с его политической ответственностью кабинета перед палатами. «В России, — писал другой кадет, барон С.А. Корф, в самый канун Февральской революции, — парламентаризма не существует». Существование в России с 1906 г. конституции, причём как в формальном, так и в материальном смыслах, юристам представлялось несомненным. П.Е. Казанский констатировал: «Большинство исследователей отвечают», что «новый строй» России — «строй конституционный». Акты 1905–1906 гг., полагал Б.А. Кистяковский, «преобразовали наш государственный строй, превратив его из абсолютно-монархического в конституционный», а потому «не подлежит сомнению, что конституционный государственный строй у нас установлен и у нас существует конституция», Россия же — «государство конституционное». Воззрение западных специалистов, которые, подобно М. Веберу, после 1906 г., как и ранее, причисляли Россию к автократиям, С.А. Котляревский находил «совершенно непонятным».³²

Б.А. Кистяковский полемизировал с М. Вебером и по вопросу о том, есть ли в России правовое государство, давая на это положительный ответ. Россия, писал Б.А. Кистяковский в 1908 г., «совершила в данный момент переход к формам правового государства». После установления в октябре 1917 г. большевистской диктатуры существование в дореволюционной России правового государства сделалось очевидным даже для тех, кто ранее это отрицал. «Мы, — вспоминала кадетка А.В. Тыркова в эмиграции, — уверяли себя и других, что мы задыхаемся в тисках самодержавия. На самом деле в нас играла вольность, мы были свободны телом и духом. Многого нам не позволяли говорить вслух. Но никто не

³² *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 7, 107, 110, 212; *Корф С.А.* Русское государственное право. Ч. 1. М., 1915. С. 303; *Кистяковский Б.А.* Государственное право (Общее и русское) // *Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 522, 524, 530; *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора. М., 1999. С. 136, 484.

заставлял нас говорить то, что мы не думали. Мы не знали страха, этой унижительной, разрушительной, повальной болезни XX в., посеянной коммунистами. Нашу свободу мы оценили только тогда, когда большевики закрепили всю Россию. В царские времена мы её не сознавали».³³

Доказательство отсутствия в России конституции М. Вебер и оппозиционеры видели в том, что Основные законы официально конституцией никогда не назывались, однако, как отмечал Б.А. Кистяковский, «отсутствие слова “конституция” не имеет принципиального значения», поскольку «в некоторых других конституционных государствах это слово также не употребляется», а потому «отсутствие слова “конституция” не означает ещё, что у нас нет конституции». Реликтом абсолютизма М. Вебер и оппозиционеры считали сохранение в Основных законах слов «самодержец» и «самодержавная», полагая, что они — синонимы слова «неограниченность», хотя государствоведы приходили к выводу, что самодержавие не тождественно неограниченности. «Признать правильным учение, что самодержавие означает власть неограниченную, совершенно невозможно, — констатировал П.Е. Казанский. Юристы указывали, что слова «самодержец» и «самодержавный» в течение предыдущих веков не имели устоявшегося смысла, а потому неоднократно меняли его, причём очередное изменение произошло в 1905—1906 гг. Подчеркнув, что этим словам «в различное время придавали совершенно различное значение», Б.А. Кистяковский признавал: «Ясно, что как раньше они подвергались известной эволюции и в разные эпохи в них вкладывалось различное содержание, так и теперь, после издания новых Основных законов и учреждений Государственной думы и Государственного совета, в них должно быть вложено другое содержание». В терминах «самодержец» и «самодержавный» Б.А. Кистяковский видел только титулы, которые, сохраняя свое историческое значение, важны не сами по себе, а только в контексте использующего их политического режима. «Эти титулы, — полагал он, — чересчур тесно и неразрывно связаны со всем развитием у нас монархической власти; ни один русский монарх не может отказаться от них, и в них наиболее типично выражается характер нашей конституции как конституции дарованной. Однако сами по себе титулы не могут иметь не только решающего значения для государственного строя, но и быть показателем его. Не государственный строй определяется ими, а они определяются государственным строем». Б.А. Кистяковский считал, что после 1906 г. понятие «самодержавие» означало суверенность, а не неограниченность императорской власти. Царю, подчёркивал он, «теперь принадлежит

³³ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 419; Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 288.

только верховная, самодержавная власть, но не неограниченная, как это было раньше», а потому титулы «самодержец» и «самодержавный» «не могут больше обозначать неограниченной власти государя императора, а лишь её верховенство».³⁴

Таким образом, даже недавние единомышленники М. Вебера не были склонны видеть в думской монархии воплощение его концепции о «псевдоконституционализме». Вероятно, именно поэтому, уже много позднее, в апреле 1917 г., М. Вебер скромно квалифицировал свои трактаты 1905–1906 гг. как «непритязательные хроники». Впрочем, в данном случае на его самооценку повлияла Февральская революция — ей М. Вебер также посвятил две статьи, «Переход России к псевдодемократии» и «Русская революция и мир», имеющие меньший объем, но отличающиеся большей концентрированностью мысли.

Рассматривая причины падения монархии, М. Вебер указывал, что к этому привело стремление думской оппозиции вступить «на путь парламентаризма» (на сторону которого во время Первой мировой войны «склонились» «даже самые консервативные круги русских собственников») и нежелание Николая II пойти на ликвидацию дуализма. Данное мнение ценно тем более, что лидеры оппозиции официально утверждали, будто выдвинутый ими лозунг «министерства доверия» не тождественен «ответственному министерству», т.е. парламентаризму. М. Вебер оптимистически оценивал его перспективы в Российской империи, считая, что «переход к парламентской монархии, с одной стороны, сохранил бы династию, с другой же — устранил бы неприкрытое господство бюрократов и в результате настолько же способствовал бы усилению России, насколько нынешняя форма литераторской “республики”, — писал он, подразумевая Временное правительство, — вопреки всему субъективному идеализму её лидеров, способствует её ослаблению». Между тем, Николай II отказывался от установления парламентаризма не в силу заскорузлого консерватизма, а по причине того самого прагматизма, отсутствие которого вменял императору М. Вебер. Николай II полагал, что парламентаризм не усилит, а ослабит Россию, поставив под сомнение её победу в войне. При этом император черпал аргументы в пользу своего мнения в том числе и из записки, написанной выборным членом Правой группы Государственного совета М.Я. Говорухой-Отроком и представленной царю в начале 1917 г.

Прогнозируя последствия введения парламентаризма в России, М.Я. Говоруха полагал, что лидеры думской оппозиции, которые бы в этом случае получили власть, «столь слабы, столь разрознены и, надо

³⁴ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 518, 525, 530; Казанский П.Е. Указ. соч. С. 425.

говорить прямо, столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно». В условиях «полной, почти хаотической», политической незрелости русского общества радикальная парламентаризация управления, по мнению М.Я. Говорухи, привела бы к тому, что «более устойчивые и сильные политические партии и течения, имея благоприятную под собою почву в самых конституционных гарантиях», стали бы «поглощать партии менее жизненные и сильные и приобрели бы преимущественное влияние на дальнейшие судьбы государства». Введение парламентаризма закончилось бы «полным и окончательным разгромом» правых партий, достаточно самокритично замечал М.Я. Говоруха, и «постепенным поглощением» промежуточных партий Кадетской партией, которая «поначалу и получила бы решающее значение». Однако кадетам, являвшимся заложниками своих союзников слева, М.Я. Говоруха предрекал ту же участь, ибо они, «бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие всё свое влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева». «Затем, — подытоживал М.Я. Говоруха, — выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник».³⁵ Именно по приведённому сценарию и развивались события после отречения Николая II от престола, которое сопровождалось дарованием уходящим императором парламентаризма. Впрочем, допуская возможность успеха парламентаризма в России периода войны, М. Вебер обуславливал это сохранением монархии, чего, в конце концов, не случилось.

Естественно, что в центре внимания статей М. Вебера, написанных в 1917 г., находился вопрос о войне и мире, напрямую связанный с вопросом о судьбе русской революции, чьих вождей он, отдавая дань политизированности, критиковал за измену пацифизму и приверженность империализму, хотя в это время именно армия Германия занимала значительную часть территории России. Для характеристики режима Временного правительства М. Вебера использовал термин «псевдодемократия», однако даже В.И. Ленин, явно не заинтересованный в преувеличении демократизма своих политических противников, откровенно признавал, что после Февраля 1917 г. Россия стала самым свободным государством в мире. В 1918 г., развивая февральские сюжеты, М. Вебер охарактеризовал А.Ф. Керенского как «могильщика молодой русской свободы», «слабость» правительства которого состояла в том, что «ради

³⁵ Записка, составленная в кружке А.А. Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным // Правые партии. Документы и материалы. Сост., автор введ. и комм. Ю.И. Кирьянов. В 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 588, 590, 591.

получения кредитов с целью сохранения собственного господства ему пришлось опровергнуть собственный идеализм, пойти на сговор с буржуазной империалистической Антантой и тем самым заставить истекать кровью сотни тысяч собственных граждан в качестве наемников, воюющих за чужие интересы».³⁶

Действительно, вплоть до победы Февральской революции А.Ф. Керенский слыл за пассивного «пораженца» и даже заподозривался своими оппонентами справа в германофильстве. Однако, будучи во главе Временного правительства, пришедшего к власти под лозунгом «революция во имя победы», А.Ф. Керенский не мог проводить какую-либо иную политику, чем ту, которую он проводил. Характерна, в этом смысле, позиция П.Н. Дурново, который до войны выступал за переориентацию внешней политики России с Англии на Германию. «Жизненные интересы России и Германии, — писал он в уже цитированной записке, — нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств». Расценивая союз с Англией как «противоестественный», П.Н. Дурново исходил из того, что Россия и Германия являются «представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому», воплощаемому Англией и Францией. Рецепт П.Н. Дурново был столь же прост в теории, сколь и трудноосуществим на практике: «Тройственное согласие — комбинация искусственная, не имеющая под собою почвы общих интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению — России, Германии, примиренной с последнею — Франции и связанной с Россиею строго охранительным союзом Японии. Такая, лишённая всякой агрессивности, по отношению к прочим государствам, политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций».³⁷ Однако с началом Первой мировой войны П.Н. Дурново забыл о своём германофильстве и критиковал оппозицию не за её антантофильство, а за то, что она своей деятельностью затрудняла ведение войны и провоцировала революцию. Вместе с тем, вывод М. Вебера о том, что логика развития революционного процесса с железной необходимостью предопределяла выход России из войны, подтвердил Октябрь 1917 г.

Октябрьской революции М. Вебер не посвятил особой статьи, отозвавшись на неё в работах на другие темы. В большевиках он видел еретиков, которые исказили марксизм, игнорируя «вопрос о постепенной

³⁶ Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии. К политической критике чиновничества и партийной жизни (май 1918) // Вебер М. Политические работы. 1895–1919. М., 2003. С. 149–150, 150.

³⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 167, 171, 175.

эволюции», являющийся «догмой подлинного марксизма», и называл их «местной сектой», полагающей, что «Россия может перепрыгнуть через ступени развития Западной Европы». Признавая, что с установлением большевистской диктатуры в России проводится «крупный эксперимент», его перспективы М. Вебер оценивал скептически, поскольку «длительно руководить таким способом государственной машиной и экономикой невозможно, и этот эксперимент до сих пор вызывает не слишком много воодушевления». Можно было бы иронизировать над тем, что М. Вебер отпустил большевикам небольшой срок, однако в контексте «большой истории» даже семьдесят лет их господства — не более, чем миг. Причиной длительного функционирования большевистского режима было, по мнению М. Вебера, то, что он представлял собой «военную диктатуру, хотя и не генералов, а капралов», при которой солдаты «действовали заодно» с крестьянами. В основе революционного государства — тотальная некомпетентность, поскольку в нём власть перешла к «абсолютным дилетантам в силу наличия у них пулемётов»: они используют «профессионально вышколенных чиновников лишь в качестве исполнителей». Социалистическая революция, прогнозировал М. Вебер, причинит «невообразимые потери капитала и дезорганизацию, т.е. замедление требуемого марксизмом общественного развития, каковое ведь предполагает непрерывно возрастающее насыщение экономики капиталом», и не даст приближения «политического законодательства к той его форме, к которой стремится демократия», поскольку станет причиной «хозяйственно реакционных последствий», чего «ни один социалист, будучи честен, не сможет опровергнуть».³⁸ Нельзя не отметить, что критика М. Вебером большевизма типологически близка к его оценкам думской монархии и Временного правительства: если в 1906 и 1917 гг. он писал о «псевдоконституционализме» и «псевдемократии», то большевистский режим для него — «псевдосоциализм».

«Русские» трактаты М. Вебера имеют непреходящее значение, но, как представляется, не в том смысле, который обыкновенно подразумевается: их относят к жанру научного исследования, но это — научная публицистика, все выводы которой, поэтому, было бы неправомерно использовать в целях научного исследования. При постройке дома на несвойственном ему фундаменте дом не устоит, наглядное подтверждение чему — использование публицистики В.И. Ленина советской историографией. При всём впечатляющем обилии материала, проанализирован-

³⁸ Вебер М. 1) Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 662; 2) Социализм. Речь, произнесенная в Вене перед австрийскими офицерами с целью их общей ориентации (июнь 1918) // Вебер М. Политические работы. 1895—1919. М., 2003. С. 336, 337, 339—340, 340, 342.

ного М. Вебером по свежим следам событий, его трактаты нельзя сегодня рассматривать как абсолютно адекватное изображение событий русской революции. Сто лет спустя историк имеет возможность привлечь многие дополнительные источники, но самое главное — он обязан взглянуть на прошлое, возвысившись над схваткой, беспристрастно учесть и понять мотивы всех действующих лиц, избегая предвзятых суждений и политической обусловленных концепций. Необходимо различать методологию М. Вебера и те конкретные выводы, которые он делал, используя эту методологию при анализе информации, не всегда отличавшейся полнотой или достоверностью. Насколько методология М. Вебера абсолютна, настолько некоторые из его выводов, в частности — о «псевдоконституционализме», — относительны. Данное утверждение ни в коей мере не может поколебать авторитет М. Вебера как гениального мыслителя: ведь тот факт, что Аристотель или Платон были сторонниками геоцентризма, отнюдь не дезавуирует их и означает только то, что информация о вращении Земли вокруг Солнца была им недоступна. Концепция о «псевдоконституционализме» относится не столько к истории России начала XX в., сколько к биографии М. Вебера и его русских друзей, к политической философии «нового либерализма», разумеется, также имевшего «свою правду». Трактаты М. Вебера, кроме того, являют собой яркую страницу историографии такой вечной темы, как «Россия глазами Германии» и имеют непреходящее значение, прежде всего, для изучения немецкого дискурса «русской души», процесса её разгадывания иностранцем, который, постигая чужую страну, лишь узнает свою собственную. То обстоятельство, что Вебер-учёный в его работах о России был заслонен Вебером-политиком, и наука, в данном случае, оказалась служанкой политики, отнюдь не обесценивает эти работы — ведь и такие оппозиционные юристы, как Б.А. Кистяковский, утверждавшие, что в России с 1906 г. существует настоящая конституция, исходили не только из чисто академической, но и сугубо политической мотивации. Значение русского цикла М. Вебера не в том — что, а в том — как он пишет, в абсолютной честности его публицистического анализа, которая подразумевала защиту права академического учёного на свою политическую позицию, на заратустровское «возвращение к людям» с высот идеально-типических бесплотных абстракций. Более свободная форма работ этого цикла раскрепостила полет мысли их автора, позволив ему, как бы, между прочим, подчас даже в примечаниях, подняться до уровня подлинных пророчеств.